

© Боб Май 2015

© Рисунки Ирины Борисовой

Школа выживания

**Неупорядоченные
рассказы,
по разным причинам
не вошедшие
в книгу**

✓ Two page view

Annotations

Present

Document properties

ДИПЛОМ

Олег Малёванный, хороший харьковский фотограф, возжелал участвовать во французской фотовыставке — захотелось ему приз получить. А как? Вся почта за границу уходит не далее КГБ, передача фотографий контрабандой — политическое уголовное дело. Неразрешимый замкнутый круг для голландца или там канадца. Но — не для совка.

Олег передаёт фотографии в Париж нелегально — с французским фотографом — и отправляет пакет каких-то снимков в адрес выставки почтой, застраховав и получив квитанцию. А через пару месяцев заявляется на почту: посылал, а они не получили. «Пишите заявление, произведём розыск». Результат — бумага от почтового ведомства: «Почтовое отправление *** покинуло пределы Советского Союза» — число, печать и подпись.

Одна работа удостоилась Диплома. Получать

его Олега пригласили повесткой.

— Как ваша работа попала за границу?!

— Нормально, по почте...

— Вы нам сказок не рассказывайте! Кому передали, где, когда?

— Да по почте же! Вот — квитанция, вот — заявление о розыске, вот — ответ: «Всё благополучно ушло», а вот — Диплом, значит, и получено в срок. Жаль только, что не премия...

А пакет с фотками, он тут же, на столе, и лежит. И все его прекрасно видят.

ПИОНЕРСКОЕ

В бытность мою пионером стою «на ковре» перед начальником. Разносит за что-то, наверное, «за территорию» ходил.

Авторитетом бьёт: Павлик Морозов, Олег Кошевой и Зоя Космодемьянская так не поступили бы.

Вдруг понимаю, что и я не поступил бы, как они — не хочу ни доносить на папу, ни быть сброшенным в шахту, ни даже быть повешен-

ным: противоестественно это! Видать, их кто-то загнал в их говённые обстоятельства, где выбирать уже не из чего — за них уже выбрали. Предназначили — погибать...

ПРЕДЭМИГРАЦИОННОЕ

Когда Буся Г. Начал уезжать (я передавал его данные в Вене — раввину из Израиля!), я написал ему в Харьков и дал, в частности, несколько советов: не ехать в Нью-Йорк, не влезать в семейный бизнес, особенно типа прачечной, не селиться в Бруклине.

Уже год он в Штатах, живёт на Kings Highway, работает по \$4.50 у брата в прачечной. Семья ему помогает. За те же \$4.50...

ПРОСТИТУТКИ

Насчёт проституток — это ко мне. Я — эксперт, могу порассказать... В Вене я смотрел на них с расстояния — уж больно шикарны и красивы: в мехах, духах. Подъезжали машины, сплошь — Мерседесы — и после коротких переговоров

Straßenfrauen садились и укатывали, а на их месте появлялись другие и тоже не застаивались.

В Риме на Via de Cavour красивая дама в белой шубке посмотрела на меня с интересом: «Ciamo?» Я ответил блестяще: «Sorry, I'm busy tonight...»

Зато в Нью-Йорке мне не везло. Со Светой проехали 42 улицу насквозь в оба конца — никого не увидели. Что сказать — кто бы стоял на улице в такой ливень?!

А с Ваньком мы ходили пешком и не только по 42й, а с 35й по 45ю — ну нет девок в Нью-Йорке! Только в Балтиморе уже сообразил: красивая чёрная леди, уважительно обратившаяся к нам на 8 авеню: «Как гуляется, мальчишки?» - это же ... Провинциалы, что тут скажешь!..

А тут — еду с Эдиком по Ричи Хайвей. Он купил машину, но водит ещё очень плохо, и я его стажирую. Всё он норовит в двух

полосах ехать. Из бокового проезда просится старый Форд, в нём — две чёрные девки. Формально — у меня преимущественное право на проезд, но в Америке водители вежливы, и я машу рукой — выезжайте, а то — когда они там дождутся пробела в потоке машин. Но девчонка за рулём, помахав благодарно рукой, показала: вы — первые. Ладно, едем.

Через пару миль вижу, что Форд всё ещё за нами, а Эдик, пала, ведёт медленно, виляет, явно мы им мешаем, а обогнать боятся: видят, каков водила. Съезжай, говорю, в боковой проезд, пусть девушки проедут. Съехали, а Форд — за нами. Чего-то ждут!.. Тьфу — дурень! Это ж бляди, я им помахал, они и ехали за нами... Не, девочки, у нас по драйвингу стажировка!..

ПОРНО

В Вене на Рождество хозяин пансиона, по многочисленным просьбам постояльцев, взял для них в прокате порнофильм. Его

крутили 4-5 раз подряд, было очень накурено и тихо. Некоторые возмущались, громко хлопая стульями, уходили и тихо возвращались. Старуха-узбечка, не менее 75 лет, не дала себя увести ни внукам, ни дочерям, ни мужу: «Мне интересно, а вы идите спать!»

И правильно, бабка, что посмотрела: в Америке XXX-фильмы сделаны гораздо хуже...

ЛЮБОВЬ

Конечно, это была любовь — что же ещё? Это была огромная любовь — она начиналась с её коленей и уходила вверх к самым небесам, где обреталась среди небожителей её прекрасная головка. Мы жили вместе — 8 семей в одной квартире, 19 человек в одном сортире, и у нас было всё, как в большом мире: войны и альянсы, богатые и бедные, рознь религиозная и пролетарская ненависть к буржуям, барственная брезгливость «допущенных» к «кухаркиным детям», вынос ночных горшков по утрам, очередь к кухон-

ной раковине — и примусы, керогазы, электроплитки, бедность — и нищета духовная и — любовь.

Мою любовь звали Лилией. Я норовил проводить почти всё время с ней и спал только в её комнате. Я шёл на дневной сон, как на праздник, с обрезком порыжевшего одеяла, на котором мама гладила, подмышкой и с песней: «Я тебя провожала, но слёзы сдержала, и были сухими глаза». Петё с Лилей было удовольствием. . . Мы забирались под стол и распевали «В парке старинном...». Слова «моя белокрылая, милая-милая, где ты, где ты?» приводили меня в экстаз — вот же она, рядом, в платье с рукавами-крылышками, в белых носочках — большая красивая студентка юридического института где-то там в другом мире, а под нашим столом мы были вдвоём: Лиля и Рыжий Боб.

Не расставались мы и летом. Моя мама становилась сестрой-хозяйкой в пионерлагере, Лиля — пионервожатой, а я — пятилетний — был там же на правах вольноопределяю-

щегося.

Меня тискали и тискали девочки старших отрядов, а мальчишки однажды собрались меня побить. Они все были влюблены в Лилию Иосифовну, но я один был с ней на «ты» и сидел у неё на коленях.

Мама рассказывала, что я — злой и заплаканный и доказывал, что имею особые права на Л.И. — «потому что она моя любимая соседка!»

Когда она получила диплом и уехала в глушь, чтоб быть помощницей прокурора, я часто писал ей — нет, не письма, их писала Лилина мама — я надписывал адрес на конвертах, вкладывая в название улицы и городка все свои чувства.

ПОЧЕМУ Я НЕ ИГРАЮ В КАРТЫ

Однажды папа застал меня за игрой в карты по-маленькой с моим одноклассником Витей. Позже папа спросил, во что мы играли.

- В очко.
- Почему очко? Ты умеешь?
- Нет, но правила простые, результат быстрый, это забавно.
- Но я видел, что ты очень увлечён.
- Конечно, выигрывать всегда приятнее.
- А со мной поиграешь?
- Конечно.
- Во что будем играть?
- Во что хочешь.
- Давай в то же очко.

Папа достал из бельевого шкафа колоду карт, сдал мне, подсёк — и т.д. Играть было скучно: я проигрывал раз за разом. Мы поиграли в сику, в 66, ещё во что-то — с тем же результатом.

- Что я делаю не так?
- Ты играешь, сказал папа, а я работаю — то есть, ты любитель, играющий против профессионала, и у тебя нет шансов.

БУКЕТ

Лежит Цилечка в роддоме. Богатыря родила
— 5,6 кг, 56 см!

Няня приносит букет — красные розы.
— Тебе, что ли? Ни записки, ни имени.
— Нет, не мне.
— Откуда же ты знаешь, что не тебе?
— Да уж, знаю.

Приносят через полчаса другой — белые
лилии.
— А этот — тебе?
— Нет, нет.

Приносят третий — синие васильки.
— Вот этот мой!
— Сейчас проверим... Точно — тебе. Как
узнала?
— Просто. Сын у меня второй, а муж —
первый.

КОБЕЛЬ

Виктор надоел Люсе быстро — двух лет не прожили, а она уже ненавидела в нём всё: курчавые волосы, высокий рост, добродушную весёлость, дурацкую манеру ставить ботинки в прихожей всегда носками наружу, шибко умные его друзья — «фсё»!

Когда она высказала Виктору, что не любит его, терпеть не может, шёл бы он и т.д. — он удивился. Вроде, всё было ладно: не пил, не бил, не гулял, не нёс из семьи, ухаживал за Люськой, как до свадьбы — чо это с ней? То же говорили Люсе и подружки Лена и Вита: «С ума ты сошла, что ли? Мужья на дороге не валяются, с чем ты останешься, с кем?»

— А вот, с Максиком, и не нужен мне никто! Рассорилась с подругами.

— Шлея под хвост попала?! — кричала мать, — совсем одурела? Да такому мужу — ноги мыть и воду пить, пропадёшь ведь одна! Вот вырастила идиотку на свою голову!

— Не пропаду, у меня собака есть! Правда, Максик? Не пропадём?

Строго говоря, собаку — восточно-европейскую овчарку — привёл в дом Виктор, гулял с ней Виктор, на уколы возил, шерсть чесал — Виктор, но если он легко отдал ей квартиру, отдаст и собаку, да и некуда ему её брать — он теперь по друзьям ночует.

Была семья — и нету её. Сначала было ничего: Люся свои раны расчёсывать умела! Через неделю что-то случилось с Максом: стал выть, паршивец, день и ночь. Гладила, игрушки давала, колбасу ему покупала — собака не успокаивалась, выла, аж страшно становилось. Пришлось Виктору на работу звонить, просить, чтоб сводил Макса к ветеринару. Бывший пришёл. Чувств никаких в Люсе это не вызвало. Зато Макс! Макс от радости до потолка прыгал, целоваться лез, с ног валил. Виктор надел на него ошейник, вышел с ним на улицу, пошёл было в сторону ветклиники, да передумал: собака была здорова. Побегали вместе, палку

побросали/половили, по кустам пошастали, вернулись. Уйти Виктору только обманом удалось.

Тут уж Макс Люсе дал — мало не показалось. За всю ночь она минут 15 наспала. Ушла на работу, как сомнамбула. Вечером участковый мент пришёл — соседи жалобу подали, что собачий вой спать не даёт. Пришлось опять Виктору звонить, повторилась та же история. Виктор пришёл, собака счастлива. Люся к бывшему приглядываться стала: а что, хороший парень, даже можно сказать — красивый. Веселый, добрый и смотрит почти как Макс. Что это я — подумала? С ума сошла? Ведь он хороший и с ним хорошо. Шлея мне, что-ли под хвост?.. А не дура ли я?! Точно — дура!! И заревела.

Виктор вздохнул, обнял. Остался.

Макс у входных дверей лёг, для надёжности. Семью нужно сохранить, а на людей надежда слабая, люди — они такие люди. Сохраним, чего уж там. Не овец пасти...

ОДИН ДЕНЬ ДАНАРЫ КОНСТАНТИНОВНЫ

Каждое утро в 7 утра Нона возвращается из бассейна в свою субсидированную квартиру, благо от ЖСС* ей только дорогу перейти. Плавать по утрам она начала лет 40 назад, живя в Севастополе. В полвосьмого звонит телефон, мужской голос спрашивает по-английски с болгарским акцентом, когда за ней приехать. Нона привычно отвечает, что будет готова в 8:30. Спускается, получает комплимент по поводу её наряда, что задаёт ей хорошее настроение на весь день, садится в машину. За рулём её коллега Сетсу — аспирант, работающий с ней в лаборатории морских биотехнологий в Центре Колумба, Балтимор, США.

Нона показывает охраннику своё удостоверение, на котором написано Danara Krupatkina, Ph.D., и поднимается в лифте на 6й этаж красивейшего в балтиморской гавани здания, похожего на гигантский парусник. Многих работников Центра Нона знает ещё с тех пор, как они были юными выпускниками

колледжей или аспирантами, как Сэтсу. Нона восхищается их владением молекулярной генетики, незнание которой она от них тщательно скрывает (во времена её совкового обучения генетика была «продажной девкой империализма»). Зато она удачно соединила массу умений и хитростей, наработанных в Институте южных морей АН (практически мёртвом сейчас, после аннексии Крыма), с прекрасной аппаратурой, которой обладает американская лаборатория. И ещё — ей не приходится выпрашивать у начальства покупки нового термометра и починки древнего вытяжного шкафа.

Как никто другой Нона умеет готовить планктонные культуры для опытов сотрудников лаборатории и относится к предмету своих исследований, как к любимым родственникам. Это я зову их непочтительно мандавошками, а она их холит и лелеет. Рассказывает: «Меня же не было в пятницу, и они не ели аж три дня! Прихожу в понедельник — а они слабые, худые, дохлики... А я их покормила — животики надули, забегали, сейчас

делиться начнут!» Нона их видит под мощным микроскопом, а я смотрю в стеклянные сосуды на подоконнике и вижу какую-то муть — сначала жёлтую, с голодным планктоном, а потом — зелёную, с сытым. А муть эта — пища рыб и других тварей морских, от микроорганизмов до китов, и от её наличия и состояния зависят миллиарды жизней в океане и множество продуктов для нашего стола.

Нона работает в Центре уже 20 лет. Начинала волонтером, без какой-либо оплаты. Потом её взяли на два рабочих дня в неделю, позже — на полную неделю. Но года три назад Нона была вынуждена уволиться из Центра. Дело в том, что государство обеспечивает её льготами (бесплатным медобслуживанием, квартирной субсидией и денежным пособием) только при условии, что она не работает, но Ноне не хотелось оставлять любимую работу, и она снова волонтерит.

А дальше случилось вот что. Как-то утром Нона, как всегда, спросила завлаба что ей

делать, и он ответил: у нас ничего на этой неделе нового не запланировано — делайте, что хотите.

Существует глобальная проблема — цветение воды в океане. Тысячи учёных во всём мире пытаются найти закономерности этого явления, вызывающего отравление рыбы и прочей океанской живности. У Ноны давно была гипотеза относительно цикличности её любимого планктона — динофлагеллята — и она решила её проверить. Через неделю-другую получила первые результаты, которые сильно удивили не только её, но и всех коллег. Как истинный учёный, Нона решила проверить, какие есть публикации на эту тему. Оказалось, что абсолютно ничего, что она открыла никем ранее не исследованные области. Завлаб был настолько потрясён начальными результатами, что отдал в подчинение Ноны чуть ли не весь состав лаборатории.

С тех пор на основании открытых Ноной явлений подготовлено несколько статей, сде-

лано несколько докладов на международных симпозиумах, готовятся к защите диссертации и отправлены заявки на финансирование.

Когда она считает рабочий день законченным, Сетсу отвозит её домой: машины у неё нет, водить она не умеет и полагает, что учиться этому в 80 лет поздно.

Вечером она ходит в филармонию. У неё есть друзья в Балтимор Симфони, снабжающие её бесплатными билетами, а возит её туда и обратно зять — я тоже люблю наш симфонический оркестр и бесплатные билеты.

* JCC - Еврейский Общественный Центр

** PhD - Доктор Философии

ПРАВ ЛИ СЕРГАЧЁВ?

Году в 1967 мой друг, назовём его Пашей Сергачёвым, за год до окончания оставил Техникум Связи, где он учился. Комсомольская организация мимо неприглядного факта не прошла: в стенной газете появилась

дискуссионная статья «Прав ли Сергачёв?», где в традициях «проработок» конца сороковых годов поднимались жгучие вопросы: «Как мог комсомолец?», «Как мы просмотрили?!» «Что ж это будет, если?!» и т.п., вплоть до «Доколе?»

Статья возымела результат — ещё четверо студентов без объяснения причин тут же бросили техникум.

А Паша поступил в Университет. Два с половиной года он продержался сначала на физическом, потом на экономическом факультетах, стал активным участником студенческого театра — аккомпаниатором, композитором, музыкальным руководителем и всеобщим любимцем, но на третьем курсе оставил и университет, а так как он был в призывном возрасте и военкомат о нём не забыл, его призвали на действительную.

Пашу направили служить в милицию, где его учили разгонять толпу, срывать неутверждённые лозунги, блокировать доступ к

зданиям и трибунам и не допускать совершения иных противоправных действий, которые в стране победившего социализма и представить было невозможно, но к борьбе с которыми серьёзно готовились.

Через два года срок службы закончился и Паша снова пошёл учиться, на этот раз в Консерваторию. Он доучился до конца, закончив два факультета — фортепианный и композиции.

Паша оставил солнечный и пыльный родной город и уехал на север, чтобы жить в сыром, холодном Ленинграде.

Через год, представив в Союз композиторов СССР монооперу "Исповедь матери" по "Сказкам об Италии", Паша стал его членом.

Девятой симфонии Бетховена он пока не написал, но 16 фильмов с его музыкой вышли в России и 4 — во Франции. Ещё на его совести 4 балета, опера «Ай да Балда!» и 5 квартирных обменов.

Ныне он прочно обосновался в четырехкомнатной на Загородном проспекте. Если вам повезло, и вы петербуржец, вы знаете дом Дельвига на Загородном. Тот самый, что бойкие ребята хотели снести, но не смогли преодолеть сопротивления Академии Наук, лично Д.С.Лихачёва и сотен петербуржцев, включая детей. Дом барона Дельвига не снесли, только испоганили многоэтажкой. Так вот, Паша живёт напротив, и его дом, заселённый теперь «новыми», стоит крепко, только цены на квартиры всё время растут.

Так «Прав ли Сергачёв?»

*Что благородней духом — покоряться
Пращам и стрелам яростной судьбы
Иль, ополчась на море смут, сразить их
Противоборством?*

УЧИТЕ, ДЕТИ, МАТЧАСТЫ!

Однажды вечером после ужина трое друзей курили на балконе, а их жёны проводили время в гостиной. О чём говорили жёны неизвестно, а у мужчин разговор зашёл именно о них, о собственных жёнах.

Говорили, впрочем, только двое: Виталик и Рудик. Они хвалили своих Лёлю и Валю. Третий — Лёня — в беседе не участвовал и скучал. Наконец, разглагольствования друзей ему надоели.

Лёня: Сколько можно говорить о жёнах? Они у вас самые-самые? Давайте проверим и сменим тему, ок? Позови, Виталий, свою Лёлю!

Виталий: Люлёк, иди сюда, пожалуйста!

Лёля: Я занята!

Виталий: Ну пожалуйста, очень нужно!

Лёля: Я сама решаю, что мне нужно, а что — нет!

Лёня: Давай, Рудик, вперёд!

Рудик: Валяша, можно тебя на минутку?

Валя: А сам ты ходить разучился?

Лёня: Витка, подь сюда!

Вита появляется через 30 секунд.

Вита: Чего звал?

Лёня: Знаешь, мы уже разобрались, спасибо!

Мораль — если твоя жена, как и ты, настолько незнакома с классикой, выдать её за хорошую не просто.

ПОЗНАЙ СЕБЯ

Замечательно узнавать о себе новое. Мне повезло пройти Polygraph test. Рекомендую, если сможете сделать это нашару.

Я подал заявление на должность в полиции, прошел интервью и получил уведомление о необходимости пройти испытание на Детекторе Лжи. Я видел эту штуку в кино, слышал о ней по телеку и отнесся к тесту несерьезно. То есть, пришел я вовремя и одет был корректно, но настроен был уж слишком весело.

Машина впечатлила. Состояла она из трех блоков: коммутатора с медными контактами (вы видели такие в фильмах про революцию, тогда они комплектовались телефонными барышнями) и старенького лэптопа. Нет, считать я умею — третьим блоком был сержант, косящий под старшего сержанта. Он объяснил мне принцип работы машины.

У каждого — сказал он — есть свои скелеты в шкафу и каждый старается их скрыть, но, отвечая на умело поставленные вопросы, этот каждый тратит на лживые ответы больше энергии, чем на правдивые, а умная машина на это неопровержимо указывает: зеленой линией демонстрируя частоту дыхания, красной — выделение пота, синей — кровяное давление. Больше двух параметров, потому — Polygraph.

Сейчас мы проведем ма-аленький демо-тест и вы всё поймете. Вы задумаете число и назовете его мне. Я буду вам задавать вопросы, а вы отвечать «нет» на каждый. Потом я покажу вам графики — удивитесь, до чего всё

будет точно.

— Итак, задумайте число от двух до семи.

— Два.

— Нет, от двух до семи!

— Я задумал: два.

— Нет. От двух до семи это — три, четыре, пять, или шесть.

— Тогда — три.

— Вы задумали три?

— Нет.

Пауза 25 секунд.

— Вы задумали четыре?

— Нет.

Пауза 25 секунд.

— Вы задумали пять?

— Нет.

Пауза 25 секунд.

— Вы задумали шесть?

— Нет.

— Спасибо. Демо-тест закончен. Можете отдохнуть.

— А — результат?

— Полученные данные требуют обработки!

Тут бы мне и уйти, но тогда — прощай, надежда на работу...

После отдыха я отвечал на вопросы из списка, а сержант ставил на бумаге научные галочки. Вот малая часть вопросов:

— Правда ли, что вы родились в феврале?

— Демонстрировали ли вы ваши гениталии в общественных местах?

— Украла ли вы собственность вашего работодателя в размерах 50 долларов и выше?

— Идя на тест, собирались ли вы умышленно обманывать?

— Имели ли вы в течение последних трех лет половые сношения с животными?

— Подвергались ли аресту за избиение жены?

— Насиловали ли (sexual abuse) своих детей?

— Ваше первое имя: Борис Май? — Мое первое имя: Борис.

— Поня-а-тно. Преследовали ли любовников своей жены, бывших жен?

— Согласны ли отвечать на вопросы правди-

во?

— Сбивали ли кого-нибудь машиной и скрывались (Hit and Run)?

— Обворовывали ли дома с целью продажи краденого?

— Заполняли ли эти документы собственноручно?

— Производили ли запрещенные к употреблению наркотики с целью продажи?

— Употребляете героин?

— Употребляете метамфетамин?

— Демонстрировали ли ваши гениталии в общественных местах (как будто, можно демонстрировать чужие)?

— Употребляете гашиш?

— Употребляете стероиды?

— Употребляете ЛСД?

— Употребляете трам-парам? — Что это? — Это бла-бла. — Нет!

— Употребляете чита-грита-маргарита? — А это что? — Это бла-бла-бла. — Нет!

— Нюхаете клей? — Зачем?! — Такой наркотик.

— Нет, даже не нюхал.

— Употребляете морфин?

— Ваше первое имя: Борис Май?

— Имели ли половые сношения с лицом, которое моложе вас?

— Что значит — моложе (люблю ясность)?

— Моложе вас на четыре года.

— Сейчас, когда мне 62, или когда мне было 17?

— Все равно.

— Это вам все равно, мне — нет. Когда мне было 17, мне нравились зрелые женщины.

Половозрелые, чтобы быть точным. Ответ: нет!

— Употребляете опиум?

— Собирались ли перед тестом умышленно говорить неправду?

— Вы действительно родились в феврале?

— Употребляете наркотики, выписанные врачом другим пациентам?

— ?

— ?

Через час приятной беседы меня посадили в кресло с фиксаторами, похожее на электрический стул, лицом к находившейся в 30 сантиметрах от моего носа серой тюремной стене, надели на руку манжету, на грудь две пружинки поверх рубашки, на два пальца колеч-

ки с проводами. Объяснили правила: смотреть прямо, ноги держать прижатыми к полу, после каждого вопроса держать паузу в 25 секунд, станет плохо — дать знать.

Раз — два — три — четыре — пять, начинаем проверять!

— Правда ли, что...

Вопрос — ответ — пауза. Вопрос — ответ — пауза. 20 раз...

— Теперь отдохните и мы продолжим. А что это вы все время зеваете? Вас обучили специальной технике?

— Нет, я зеваю оттого, что мне хочется спать.

— Может, вы устали?

— Может, устал.

— Мы можем продолжить в другой раз.

— Нет, мы сделаем это сегодня, а свежее я уже никогда не буду.

— У вас неровное дыхание — то глубокое, то вы его задерживаете. Это сбивает аппарат!

— Вы собираетесь предъявить мне обвинение в неровном дыхании?!

— Вы уверены, что можете продолжать?

- Да уж, в вашем кресле не умру!
- Тогда, начнем вторую серию вопросов.
- Начнем, пожалуй (чтоб тебе сдохнуть с твоей керосинкой вместе)!

Всех серий было четыре. Потом я «минутку» ждал в вестибюле и через полчаса сержант сообщил результат: тест не показывает, когда я лгу, когда говорю правду. Я прошел спец-подготовку, это очевидно. Никогда в его трехлетней практике испытуемый не зевал так часто.

Я перестал сдерживаться.

— Я потратил на тест 6 часов, включая дорогу, и хотя уже демо показало мою непрозрачность, мне продолжали морочить голову! Эта машина требует некоторой доработки, может, надо ее спиртом протереть; я возмущен и обижен, я буду апеллировать!

— В этом нет нужды, назначим другой тест. Я согласился, хотелось получить эту работу. Тест, конечно, чистое шарлатанство, но его не обойти.

Второй заход (через неделю) прошел быстрее; полагаю, результат был predetermined моей грубостью на первом. Из четырех тестов: серьезные преступления, наркотики, воровство/грабеж (это — несерьёзные), домашние преступления — я был уличен в последних, чем сильно удивил мою жену, прожившую со мной в мире 40 лет. Ей не понравились вопросы насчет её любовников и она пошла выдать пару слов, но опытный сергент уже сбежал через заднюю дверь.

Я, конечно, добился третьего теста. Его я сдавал пожилому лейтенанту, проводшему за полиграфом 14 лет. Я нагло обманывал его и его рукомойник, повторяя про себя «неправильные» числа, представляя себе 100-летних немых старух и радуясь тому, что уносимые с работы пачки бумаги никак не тянули на \$50. И был-таки реабилитирован.

Добро всегда побеждает зло — в Голливуде. В реальной жизни иначе.

А теперь скажите: хотели бы вы работать в конторе, где

а) Верят машинке типа «У ей внутри неонка!» и которую юридическая система США не признает?

б) Сотрудники будут знать, что ты *assaulter*, *aggressor*, *child molester*, *domestic abuser* и, наверное, будут строить планы?..

Я вот хотел, но меня не взяли.

Мой папа сказал бы: — Да горят они огнем!!

Я рассказал о новом опыте младшему (36) сыну.

— Это многое объясняет! — сказал он многозначительно и посмотрел строго.

У ВОРОТ

Ранней весной мы хоронили папину сестру, мою тётушку. В жизни тётя Лея была шумной, жёсткой, иногда скандальной, а ушла потихоньку, во сне, никого не беспокоив.

После похорон дошли до ворот кладбища,

постояли, греясь на солнышке, прежде, чем разойтись. Дядя Самуил спросил, улыбаясь и очень просто: Ну, кто следующий? — и все, кто постарше, тоже улыбнулись и даже я, тридцатилетний, понял, что он имел в виду. Неважно — кто. Важно, что каждый.

С тех пор я не боюсь смерти.

ЭХО ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

В самолёте я разговорился с соседом — серьёзным мужчиной за семьдесят. Узнав, что я родом из СССР, он рассказал, что в шестидесятые годы служил в Германии и занимался прослушкой телефонных разговоров Группы Советских Войск. Служба работала круглые сутки, вся добытая информация переносилась потом с магнитной ленты на бумагу с помощью пишущей машинки, ведь компьютеров у «слухачей» не было — миллионы страниц, десятки тонн бумаги...

— Было что-нибудь интересное? - спросил я

— О, масса интересного!

— Что же вы узнали?

— Чем отличаются немецкие бабы от русских

КОНФЕТА

Конфета называлась «Красная». Людмила Борисовна развернула её, поднесла ко рту и уронила. Оба соседа — слева и справа — не-медленно нагнулись, чтобы поднять.

— Я ем с пола! — раздался голос снизу, и из-под скатерти появилась кудрявая голова девятилетнего хозяйского сына Миши. Обсуждать его заявление было поздно: Миша уже дожёвывал свалившуюся на него «Красную».

— Что ж ты, Мишенька, под столом-то? — С досадой сказала Людмила Борисовна.

— Сидел бы со всеми как взрослый...

— Под юбки заглядывал, что ещё там делать? — Подумал в ответ Мишин папа.

— А интересно, что он там видел? Соседи-то Людкины оба покраснели, кто-то точно к ней под юбкой лазил. А может, и оба. Ей замуж надо, переведу-ка я её в транспортный, там Трофимов в разводе и Манекин один, жена в Израиль свалила, а в плановом, что ей светит: там одни бабы, да какие! Ниночка, Маргарита...

— Я думаю, нам пора выпить за подрастающее поколение. Замечательная у нас смена растёт!

— С пола. Этот и изо рта вырвет, в папашу пошёл. Как некстати всё...

— Дать ему поджопник или конфет купить?

— соображал Никита Петрович — Сдаст ведь, подлец! Райка и так ведьмой смотрит. Шоколаду куплю и побыстрее надо.

КРИМИНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

На восьмой день рождения папа купил Женечке велосипед «Орлёнок». Счастливый Женя спустился во двор и стал гонять по кругу, как заправский гонщик. Мальчишки завидовали и просили дать покататься, но именинник остужал их словами: «Мне папа не разрешает». Когда он подустал, двое пацанов постарше всё же уговорили его на пару кругов, оставив в качестве залога перочинный ножик с двумя лезвиями.

Домой Женя вернулся без велосипеда.

Вскоре он лежал на диване и голосом Ослика Иа говорил:

— Моё сердце не выдержит! Я уже слышу, как оно рвётся. Это худший день моей жизни! Сейчас я умру и запомню этот день на всю жизнь!

Бабушка гладила Женечкину голову и понимающе качала собственной. Папа, стараясь не смотреть на тещу, пытался сдержать смех, но ему это плохо удавалось, и теща выплыла из комнаты, не глядя в его сторону.

Обстановку разрядила мама. Она вошла в комнату с кучей выкроек подмышкой и сказала:

— Выметайтесь отсюда все, мне нужно работать!

Через день в дом пришёл участковый (испуганная мама срочно убрала и шитьё, и швейную машинку) и объявил, что велосипед в подрайоне и его можно забрать.

Ножик Женя пацанам не вернул — не такой он был дурак, чтоб давать велик в прокат на два дня задаром.

УЧИМСЯ НА ХОДУ

К моей тёще Майе Яковлевне обратился «русский» сосед по дому с просьбой перевести на английский его рассказ. «Вы не подумайте, я заплачу!» — веско говорил он.

Тёща, всегда помогавшая людям, добросовестно сделала перевод, а когда сосед завёл свою песню о том, что каждый труд должен быть оплачен, спросила с него, зная, что он живёт на пособие, 15 долларов. Дядя отсчитал три пятёрки и сказал: «Дёшево же вы себя цените!»

Тёща решила, что сделала мицву*, и теперь её оставят в покое, но сосед, однако, припёрся ещё раз — он решил перевести на английский свои «Мысли по поводу...». «Четыреста пятьдесят» — сказала Майя Яковлевна. — «Деньги попрошу вперёд!»

*мицва — доброе дело

НЕАПОЛЬ

Во всех путеводителях предупреждают: в Италии воруют! И столицей карманников называют Неаполь. И ведь не врут!

Из Неаполя в Помпеи мы ехали на пригородной узкоколейке со старыми грязноватыми вагонами.

Мы были прилично нагружены: у Цилечки две сумки, у меня — два чемодана в руках и рюкзак на спине. В тамбуре оказалась давка, с моими вещами было никак не пролезть. Меня сжали со всех сторон. Моя умная жена тут же громко сказала мне по-русски: «Боб, воры!»

Тут уж и до меня дошло, что взяли меня «в коробочку» неспроста. Выпустив на секунду чемодан, я сказал «Permesso!» (позвольте) и крепко ударил стоявшего ко мне вплотную человека кулаком в живот. Пространство передо мной мгновенно очистилось, я подхватил чемодан и прошёл в довольно пустой вагон. Внимательная Циля заметила, что

вслед за моим невежливым действием из вагона выскочили на перрон четверо мужчин.

Мне было смешно: нашли, кого ободрать: у меня и денег-то в карманах не было, 2-3 евро, не больше. Позже, уложив чемоданы на полку так, чтобы я их мог видеть, и сняв рюкзак, я вспомнил, что в потайном кармане жилета (недоступном из-за рюкзака) у меня была-таки заначка — три тысячи долларов.

Слава путеводителям! Если бы не они, наше пребывание в Помпее было бы не столь лучезарным.

СЧАСТЛИВЫЙ НОВЫЙ ГОД

Рома Быков, 55 лет, очнулся ночью и огляделся. То же, что и вчера — палата интенсивной терапии госпиталя в Маунт Оберн, штат Массачусетс. Последние две недели декабря были сплошным кошмаром — боль, невозможность дышать, перевозка в госпиталь, специализирующийся на кардиохирургии, срочная операция по поводу аневризмы аорты, осложнения после операции...

В организме всё разладилось, страшно опухли ноги — встать было невозможно. Но больше всего мучил голод — десять дней его держали на питательном растворе и не давали еды. Лишь вчера ему позволили наконец съесть какую-то баланду без соли, и теперь она дала о себе знать.

Рома позвонил, попросил судно. Санитарка принесла и подложила. Минут через десять он позвонил опять и дал знать, что закончил большое дело. На этот раз пришли две санитарки. Они были в красных шапочках и держали в руках зажжённые бенгальские огни. Санитарки пропели американскую новогоднюю песенку и поздравили болящего с Новым Годом и первым стулом. Было 10 минут 2012 года. Рома встретил Новый год на судне.

Нелепое сочетание поздравлений развеселило. Отличное начало нового года — удалось посрать. Значит, через пару дней отпустят!

Рома позвонил мне уже из дома, рассказал эту историю и мы поохотали. — И чем я мог их отдарить? СуднОм с говном?!

Я читал френдленту в Живом Журнале. Основная тема — как скучно прошла встреча Нового Года: не в том ресторане, не в той компании...

Ой, девочки, не жалуйтесь! Не гневите Б-га.

ГЕНДЕРНОЕ

У меня никогда не было склонности к трансвестизму, но было время, когда я носил длинные чулки и лифчик с резинками — так в древние времена одевали четырёхлетних. Зимний прикид включал шарф, удушающе завязанный узлом назад под поднятым воротником пальто, ушанку с ботиночными шнурками под подбородком, варежки, пришитые к метровому куску тесьмы, протянутому через рукава пальто, и валенки с галошами.

Я никогда не забуду унижения, которое я испытывал, когда меня одевали. Я протестовал,

ещё не умея объяснить причин, и добился того, что шарф мог носить под пальто, а вместо лифчика с чулками надевать кальсоны. Надо мной и ещё одним мальчиком в нашей средней группе смеялся весь детский сад — смотрите, кальсоны! — но мы-то знали, что одеты, как мужчины, а эта глупая малышня в лифчиках — что она понимает?

В тёплое время года приходилось носить брюки-гольф с пуговицами под коленом, нелепый жилет и кепку с длинным козырьком, не похожую на модную восьмиклинку с пуговкой на темечке, какую носила набекрень местная шпана. Это тоже было стыдно, но маме мой наряд нравился, а других штанов у меня и не было. Гораздо позже я узнал, что вещи были ношенные, из посылок, посылавшихся американцами в помощь советским детям, и я был одет, как любой американский мальчишка — в бейсбольную форму. Жаль, что у меня почти нет фотографий того времени...

...Мой друг Толя, провозглашая тост — за

здоровье жены, в честь приезда сына с внуками, по любому случаю — всегда заканчивает его одинаково, и я с удовольствием повторяю за ним:
— *God, bless America!* — и добавляю ещё одну строчку:
— *My home, sweet home.*

ЗИНА МУРТАЗИНА

Звонит (в Харькове) Витя Гринберг: «Нужно в Москву, а билетов нет...»

— Это просто: приезжаешь на вокзал, идёшь к кассе №3 — для курортников, и говоришь: «Я от Зины Муртазиной, мне купейный в Москву», даёшь на трёшку больше — и всё!

— Я понял!

Любящий точность Витя сказал в окошко: «Здравствуйте, я — Зина Муртазина, еду в Москву!» Кассирша опешила, но билет дала, вопросов не задавала, лишнюю трёшку взяла и «Это я — Зина Муртазина!» не кричала...

АКСЁНОВ

В харьковском магазине «Мелодия» купили пластинку: Василий Аксёнов читает свою повесть «Жаль, что вас не было с нами». Вертушки у нас не было, и мы не послушали диск ни разу; потом дважды переезжали и о нём забыли.

Уже живя в Северодонецке, услышали по радио сообщение о лишении В. Аксёнова советского гражданства, вспомнили о пластинке, нашли, поставили и услышали: «За что, не знаю, такого тихого человека, как я, выгонять из дому?»

Мы и сели...

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

*По-грузински я — Ваню,
А по-русски — Ваня...*

«Двухгодовичников» — всё больше. Из Еревана прибыла троица: Иосиф, Ваган и Махмуд. Два маленьких, зато третий — очень высо-

кий. Иосиф тих, Ваган — красив, Махмуд же горд, ибо — курд. Все — холосты! Движение началось: перемещение женских масс, разведка и поиск, засады и осада и — разговоры...

В скромного Вагана влюбилась красивая и дремучая официантка Жанна. Она звала его Вагоном, холила, кормила с рук, на руках носила, встречала с работы — усталого, чистила его сапоги и вырывала клочья волос с голов возможных соперниц. Вагану было хорошо, но страшно. Об вырваться или хоть ослабить узы не могло быть и речи. Внезапный и секретный (по его просьбе) перевод к новому месту службы — за Архангельск — был страшным потрясением для бедной девушки. Опасались, что она, как Жизель, лишится рассудка, но Жанне терять было нечего, и поступила она рационально: выяснила, куда любимый скрылся и, в три дня собравшись и рассчитавшись, укатила за ним, по обычаю русских женщин. Вряд ли ему удалось выпросить ещё перевод...

Махмуд, рассказывая о своих похождениях, говорил о себе в третьем лице: «Алэн Дылон прышёл на танцы!» Девушки называли его Мишенькой, женщины без шансов — Голенищем. В нашем маленьком кругу с радиусом в 100 км Махмуд был главным героем драм, трагедий и драк (и сам любил из окошка поглядеть, как ткачихи из-за него дерутся). Наказанием за гордыню стала для него любовь к замужней Наташе. Она горячо ответила на его чувство, но внесла в его жизнь не только вздохи на скамейке, но и побеги, побои, персональное партийное дело и другие сложности. При посредничестве партийных же органов был достигнут компромисс: Наташа осталась в семье, но, когда её муж был на боевом дежурстве, обеспечивая безопасность Родины (3 суток в неделю) плюс все воскресенья и праздники она была с Махмудом, и муж-майор не должен был претендовать... Потом я ушёл на ДМБ и чем там у них кончилось — не знаю.

Иосиф же на танцы не ходил, читал армянскую поэзию, а потом вдруг женился на кла-

довщице Нюре...

Были у нас и грузины-лейтенанты: Дато и Малхаз. Эти умели жить, в общаге кантовались недолго и переселились к двум Тамамам — ткачихе и связистке, жившим вместе в крохотной комнатке барака-общежития. Стало их в комнате четверо. Жили хорошо; когда подруги надоели, ребята ими поменялись и так прожили ещё несколько месяцев без ссор, а потом тихо перевелись в другую часть... Из их рассказов запомнил слова Дато: «Мой дядя был такой богатый, что, когда мимо его дома в Тбилиси стали тянуть трамвайную линию, он заплатил достаточно, чтобы трамвай перенесли на два квартала». Малхаз про своего дядю молчал, может, это тот вёл трамвайную ветку...

И, конечно, был у нас азербайджанец — Тофик, всегда весёлый, довольный и толстый.

— У тебя есть семья, Тофик?

— Конечно, я — семейный; у меня три жены и четверо детей!

— Как же ты содержишь такую ораву?

— Ну, во-первых, это не вся моя семья. Есть ещё две тёщи и сестра второй жены. А во-вторых — смешной ты человек — почему Я их содержу?! Они меня содержат! Я — инженер, уважаемый человек, и им за мной хорошо! Они ткнут, я отвожу ковры в Москву, а женщинам привожу подарки — у нас полная гармония!

— А как же с многожёнством?

— Э-э, конечно, официально я расписан только с одной, остальные — родственники, прописаны у меня... все так живут...

Ибрагим — узбек — подтвердил: «У нас тоже, но, конечно, не все, а люди серьёзные, уважаемые...»

Восток — дело тонкое! И никогда уже не побываю я ни в Ташкенте, ни в Бухаре, ни в Самарканде... А ведь держал авиабилеты на своё имя — в Ташкент — в руках! В отпуск собирался.

— Что тяжелее всего в Советской Армии?

— Удалять зубы.

— ?!!

— Потому что всё в Армии делается через задницу!

Подходило время отпуска...

ОТПУСК И ОТСИДКА

Битва за отпуск была одним из кульминационных моментов моей славной службы. Я уже не был тем мальчиком после института, который верил обещаниям и исходил из предпосылки, что старшие товарищи — честные люди. От этих сволочей я ожидал только пакости и подлости и воевал с ними со злостью и полной отдачей. Да, воевал — ведь это Армия!

а) Военнослужащий, не получивший или не воспользовавшийся очередным отпуском до конца года, теряет право на отпуск за этот год и никакой компенсации не получает.

б) Начальник, по вине которого военнослужащий не смог воспользоваться очередным отпуском, наказывается денежным штрафом в размере месячного содержания.

в) Продолжительность отпуска младших

офицеров — 31 сутки, старших — 45 суток плюс время, необходимое на проезд к месту проведения отпуска по ж/дороге и обратно, но не более двух недель.

г) Место проведения отпуска указывается военнослужащим по его желанию в пределах СССР.

д) Дорога к месту проведения отпуска оплачивается войсковой частью по тарифам ж/дороги для проезда в жёстком купейном вагоне скорого поезда, по предоставлении воинских проездных документов.

Подаю рапорт с просьбой об отпуске с 30 декабря. Местом отпуска указываю Ташкент — хотелось побывать на Востоке: в Бухаре, Хиве, Самарканде. Во все эти города я взял рекомендательные письма от сослуживцев-офицеров, предполагающие ночлег. Лететь решил самолётом, а отчитаться ж/дорожными билетами, получив, в результате, дополнительные шесть отпускных дней! Конечно, моё начальство видело ситуацию иначе — «шире». Им захотелось закончить и «сдать в эксплуатацию» мой объект — казарму — к

концу года, что было абсолютно нереально. Я было заикнулся о своём отпуске на одной из планёрок и получил ёмкий, аргументированный ответ полковника Герасименко: «Молод ещё — в отпуск! Послужи с наше (ему было лет 68-70), а шкурные интересы не могут быть важнее задания Родины!» А я чувствую: могут!! Своего отдыха я падлам не уступлю. Но, однако, как же законы? Не станет же скряга Рожнин платить за мою задержку из своего кармана?! И я дал задание штабному телефонисту, которого неоднократно кормил и поил — выяснить. Докладывает: на мой счёт целое совещание было — что делать? Отпустить нельзя: он один знает этот объект, а не отпустить — по судам потянет, жалобами забросает: «вы ж его знаете!», и штраф придётся платить... Решение приняли такое: в отпуск не пущать, но приказ об отпуске издать, хотя «до сведения не доводить». Если казарму хорошо сдаст — дать 5 суток на отдых. Ну — не суки?! И я решаю: если приказ об отпуске будет — еду без документов, а бумаги запрошу через комендатуру — им придётся прислать. Конечно, путь рис-

кованный: самовольная отлучка на срок более 10 суток считается воинским преступлением (не проступком) и может быть наказана со всей строгостью — до 5 лет отсидки, но уж очень мне эти товарищи надоели за полтора года!

Кручусь на казарме, про отпуск не спрашиваю и только 30 декабря звонит мне мой резидент из штаба: «Есть приказ!». Я доработал день, отсидел планёрку, переоделся в гражданское - и был таков! Наутро я был в Москве, к следующему вечеру - в Харькове. Дома хорошо! А скоро путешествовать. Купили билеты в Ташкент, но — беспокойно на душе. 7 дней прошли, 8, 9... Мы с женой решили, что следует сходить в военную прокуратуру — для консультации. Принял меня полковник, поговорил и посоветовал идти к коменданту гарнизона полковнику Михайлову и рассказать суть дела: «он человек опытный и умный, поймёт, что не дезертир. Только нельзя ему говорить, что в прокуратуре был». Я прибыл к коменданту, рассказал — он не верит. «Выйдите,» говорит. Что-то выяснял, потом

зовёт:

— Вы с кем-нибудь консультировались, прежде, чем ко мне пришли?

— Никак нет!

Вот тут он и завёлся:

— Ага! Теперь я вижу, что вы за птица — раз сейчас врёте — я в прокуратуру звонил — значит, и остальное всё ложь! (А говорили — умный...). Где это видано, чтобы командир части своего офицера обманывал?! Я вас выведу на чистую воду! Дезертир!! Я таких в войну собственноручно расстреливал! Ишь, придумал: тайные приказы, Ташкент... При чём тут Ташкент, если ваша семья в Харькове? А явился в гражданском, тихий такой, я даже засомневался, а теперь объявляю вам 10 суток ареста своей властью, сегодня же доложу маршалу, уверен, что он добавит 5 суток от себя. И ведь на девятые сутки явился, чтоб до суда не довести... Мы и без суда!... Начальника гауптвахты — ко мне! Что вы молчите? — Я в таком тоне разговаривать не буду!

— Арестовать на 10 суток!

Начальник губы был гораздо приветливее: дал телефон — позвонить домой, рассказал, что у них можно, что — нет. На мою просьбу о юридической литературе ответил, что, к сожалению, у них одни Уставы, но он попросит в прокуратуре, и мне передадут. Принял от меня «на хранение» мои деньги — 600 руб. — и проводил в камеру.

Я представился и познакомился с двумя сокамерниками и гостем - подполковником, содержащимся в отдельной камере, но проводившим время вместе с младшими офицерами. Развлекались байками и газетами, и мне обрадовались. Я почитал Уставы Внутренней и Гарнизонной службы, Правила содержания гауптвахты — и полученные знания тут же стал применять на практике: "Почему дверь офицерской камеры заперта?" "Должна быть открытой, но у них недавно солдат сбежал с губы через офицерскую камеру, и стали запирают".

Непорядок! Мне ни к чему открытая дверь, но считаю, что пользу из этого извлечь можно. В двери есть глазок, и караульный время от времени заглядывает в него. Нам не положено днём лежать, нары с 6 утра до 10 вечера убраны и, хотя столов и стульев достаточно, но из-за подглядывания не полежишь. Затыкаю глазок газетой так, что снаружи её не вытолкнуть. Является дежурный офицер:

— В чём дело? Почему глазок заткнут? Не положено!

— Не положено дверь запираты!

— Это — приказ начальства. Для обеспечения безопасности.

— И мы о том же печёмся. Чтоб и мышь не проскочила!!

Подебатировав, приходим к компромиссу: (1) Дверь заперта. (2) Глазок закрыт. (3) Мы открываем глазок после стука караульного в дверь. Таким образом, получаем возможность возлечь на стульях хоть весь день.

Для меня все заново рассказывают свои ис-

тории. Подполковник арестован за дебош, учинённый им в ресторане. Когда в ресторан прибыл вызванный администрацией патруль, подполковник потребовал, чтоб начальник патруля отведал поданного подполковнику блюда, и тот потом подтвердил коменданту, что скандал не только имел место, но и причину. Подполковнику был объявлен арест, чтоб покончить с инцидентом на месте (в Армии запрещено наказывать дважды за одно нарушение). Авиационный капитан отбывал наказание за отменённый, ввиду его невменяемого состояния, вызванного длительным употреблением большого количества спиртных напитков, плановый полёт. А железнодорожный старший лейтенант — за перевёрнутый под его руководством и уроненный с моста подъёмный кран. Я поделился сложностями моего отпуска и признался, что посадили меня как шпиона и саботажника. Это придало мне весу. Кормили сносно, было тепло, и время текло... моё отпускное времечко.

А наверху комендант безуспешно пытался

связаться по телефону с моей воинской частью и посылал безответные телеграммы. Тогда Света нашла подругу Таню, мама которой работала телефонисткой на в/пункте связи, и та по паролям, данным мною, вышла-таки на связь и соединила мою часть с Харьковской комендатурой. Это случилось на третий день отсидки (дозвонился бы он, папа, без Светиноного блата в его Армии!). Поговорив, комендант спустился ко мне в каземат и сообщил, что на все его простые вопросы собеседник — подполковник Босый — нёс в ответ околесицу, закончив сообщением, что его, Босого, в части нет, он — на объекте; что он, комендант, уже не так уверен в моей вине, что он разберётся с этим бардаком, нехарактерным для славной Советской армии. Сообщение бодрило, но утром следующего дня я был всё ещё арестованным, хотя и вырос до старшего по камере, т.к. сокамерников всех освободили...

Одному стало тоскливее, но вскоре мой комендант явился поздравить с освобождением: он видит, что я не виновен, хотя и не

должен был самовольно оставлять часть, а командование моё — те ещё прохвосты, он этого так не оставит, а я — пиши подробный рапорт о случившемся, а он — приносит извинения за грубость и задержку, а я — не должен обижаться, дураков и в Армии полно, вот, в 1942 году, когда он был лейтенантом, его самого чуть не расстреляли, а я — хоть человек гражданский, но — служу в Армии и должен и не должен и т.д. Я написал рапорт и покинул надоевшее заведение, взяв справку об отсидке.

Документы на отпуск пришли через неделю, место было указано — Харьков, но уже не хотелось больше скандалов, в Харькове я отпуск и провёл, только на последние три дня мы со Светой поехали в Москву.

Вернувшись в часть, я прибыл в штаб и доложил по случаю возвращения из отпуска. Народу на моё появление собралось много, и после официальной части командир всех отослал, оставив только зама по режиму — Босого — и меня.

— А ведь надо бы вас наказать за самовольство!

— Никак нет, наказание я уже отбыл, вот справка из комендатуры.

— А, справка!.. Ну — тогда на объект и больше не своевольничайте!

— Должен сообщить вам, что обо всём происшедшем мною подан рапорт на имя Министра Обороны СССР и копия послана Главному Военному Прокурору СССР.

— Идите, работайте!

Я-таки отгулял отпуск, отдохнул и чувствовал себя победителем. Отсиженные трое суток я решил догулять, и решение это выполнил и перевыполнил в несколько раз. Казарму не только не сдали, но сразу после Нового года и моего бегства сняли с неё «людей» и, хотя я работал на ней до августа, она и позже не была сдана и, если теперь она эксплуатируется, то только потому, что я из армии ушёл, что было посложнее, чем получить отпуск, и будет описано в отдельной главе, если я не брошу писать.

Б.Б.Б.

Моя квартира в Техгородке была первой в моей жизни изолированной квартирой. Пусть это был барак, в щели которого я ночью видел большие участки звёздного неба, но: прихожая, коридор, кухня, ванная и огромная комната в 16 кв.м.! На меня одного это было слишком просторно, да и скучно, и я выбрал себе сожителя — Бориса Борисовича Борисовского. Это был лейтенант, понравившийся мне с первого взгляда своим живописным костюмом: на нём была грязная шинель с майорскими погонами и яркомалиновые кальсоны, а в руках — книга! Родился тёзка 15 февраля 1947 года — в один день со мной, кончил, как и я, ПГС строительного института и попал со мной в одну часть — судьба была и поселиться вместе. Вырос он в Вильнюсе - тоже не Новая Водолага! — и увлечение имел достойное: собирание книг по философии и психологии и изучение литовского языка. Посланный работать «на район», он обнаружил себя в раю: в ничтожном Фиро-

во был книжный магазин, богатством превос-
ходивший столичные, и где Б.Б.Б. был един-
ственным покупателем Плутарха, Светония,
Канта и лорда Честерфильда. В кассу магази-
на уходила его зарплата, и ел он с солдата-
ми. Меня он несколько презирал за равноду-
шие к психологии, но и ценил во мне то, что
я — не конкурент. Мы быстро выработали не-
сколько важнейших правил общежития:

- 1) Топить печь и купаться — ежедневно.
- 2) Не надевать ничего армейского после 6
вечера.
- 3) Не навязывать друг другу своих проблем -
«кто хочет спать, тот спит».
- 4) Не высчитывать дней, оставшихся до ДМБ.

В нашей повседневности появился смысл и
приятность — и хлопоты: добывание дров,
хорошей еды и приличной одежды. То, что
мы имели одинаковые размеры, резко увели-
чивало гардероб каждого при небольших до-
полнительных затратах. Покончив с работой,
на что уходило, увы, 10-12 часов ежедневно,
мы занимались собой и, разодетые, шли
ужинать в кафе, потом в кино; дома было, что

читать и кому написать, в шкафах на полках был порядок, и мы ретиво заботились о нашем гнёздышке: я приносил книжные полки, сработанные из подоконных досок, он — мешок краденых яблок, я — проигрыватель с пластинками, он — дрова для котла в ванной. Иногда преферансисты просились к нам «на часок», и мы их пускали, хотя знали, что крик, свет и дым будут мешать нам спать (комната-то была всё же — одна) до 4-5 часов утра. У нас была отдельная квартира, а у них — шиш, могли ли мы не быть великодушными?!

Моя и Б.Б.Б. жизни, шедшие 23 года по одному сценарию, пошли врозь через год после армии: я бросил к чёрту инженерство и пошёл в вольные фотографии, а он, отпахав год прорабом, получил однажды удар ковшом экскаватора по голове, полгода провёл в больнице, а вышед из неё — сразу был уволен и оказался совсем без средств: его нигде не брали с черепной травмой и 5-м пунктом — да, он был русским, но жил — в Литве! А была семья, и надо было снискать хлеб на-

сущный; Б.Б.Б. подал тот самый рапорт, которого панически боялся я — он попросился в армию навсегда и был принят. Работал финансовым ревизором, не брал взяток, был переведен в Ригу (пропали даром занятия литовским языком!), получил квартиру, высокую зарплату и стал очень доволен собой. Навещая его раз в 4-5 лет в Риге, я заставал в нём всё больше перемен: сын воспитывался им по-спартански сурово и предназначался в военное училище, а жена — симпатичная и интеллигентная Таня, которой он из армии писал ежедневно, называла его не иначе, как «товарищ майор!».

Не представляю, где он сейчас, и не знаю, как ему помочь.

ЗАБОР

Первый раз мой славный командир подполковник Рожнин подосрал меня с забором. Объект простой: ямки вырыть, столбики поставить, рейками соединить, досками зашить. Правда, столбиков нужно 250, а есть 180, но — «ты, лейтенант, не дрейфь, у нас стро-

ительство военное, главное — выполнить и доложить; по проекту железобетонные — через 3 м, а ты ставь через 4 м - и всё!»

Командир части приказал — я тружусь в свете последних указаний. Может, и не заметил бы никто, да случилась буря, заборчик и упали. Тут уж померяли, и виноватого нашли быстро:

— Как же вы посмели, в нарушение проекта...

— Так вы же мне сами...

— Что — сами? Я такой глупости и преступления приказать не мог!

И весь причт: «Нечего на других сваливать, некрасиво, лейтенант, виноват — отвечай и т.д.» Ладно, если у вас так принято, молчу, но тут же на стене: Приказ по части... выговор! денежный начёт во измещение убытков — три месячных оклада. Ничего себе! И так я тут подневольно, так чтоб и бесплатно?!

Я в прокуратуру: «А давайте мне все, какие ни на есть, законы!» Всех — говорят — много, а вот вам — «Извлечения». Ага! Я с этой книгой

поработал.

Статья ** — молодой специалист не может быть наказан денежным начётом

Статья *** — начёт не может превышать...

Статья **** — начёт может быть наложен только командиром в/части, которой подчинена в/часть наказываемого начётом

Статья ***** — наказание может быть обжаловано...

Выписал я статьи, параграфы и пункты и поехал в рабочее время в районный центр — Бологое — в народный наш суд. Там дело принимать не хотят: мы, мол, в ваши военные дела не вмешиваемся, на то есть военная коллегия... А я: дело не военное, а хотят меня принародно ограбить на 555 рублей, а это — уголовщина, и я, хоть офицер Советской Армии, а — гражданин СССР и имею право, а вы — не хотите дело принимать к рассмотрению — не принимайте, а только надпишите на моём заявлении — вот, здесь — «Не принято к рассмотрению на основании» — и номер статьи, и подпись — разборчиво, пожалуйста!

Этот приём хорошо действовал, но — ничего они «к рассмотрению» не приняли и не «написали», а сказали: «Иди себе с Б-гом!» а сами — хвостиком махнули да уплыли в синее море...

А я воротился в родную войсковую, глядь — нет на стене Приказа, зарплата мне начислена полностью, за прогул никто-ничего, и о начёте более не поминают. И за весь остаток моей службы никто из офицеров денежным начётом наказан не был. Обманули меня судейские насчёт невмешательства в военные дела... «Где суд — там и неправда...»

ТРУБА

«Смотрите, лейтенант! Я лично проверю центровку трубы!» Майор Любаев — инспектор — говорил это так часто, что я засомневался: а вдруг полезет?! Дымовая труба котельной была 36м высоты и выглядела, несомненно, кривой. Залезть на неё можно было только по скобам, которые вделывались по мере роста, а значит, 3-4 самые

верхние были в свежей кладке. Отклонение от оси допускалось 4см и — ползет Любаев или нет, мне лезть было нужно. Я и залез. Сверху подали руку, и на две последние скобы я не наступал.

С середины трубы спустил отвес на длинном шнуре и, руководствуясь командами снизу, двигал верх шнура, пока не удалось полностью совместить остриё отвеса с серединой подошвы трубы. Наверху я отступил от эпицентра на 4мм и забил в этом «правильном» месте в настил гвоздик. Как далеко он оказался от реального центра?! Стоит же труба!

Майор пришёл на исторический замер в парадной форме. Я посетовал, что труба грязновата, а он, хитро прищурившись, поведал, что залезть наверх — не фокус, а главное — это померять отклонение у подошвы!

И опять мне пришлось лезть. Я помешкал наверху: пока определил центр, пока вбил гвоздь, пока спустил шнур, пока он перестал

качаться, изображая маятник — майор Любаев стоял на карачках — мерял! «Смотри, всего 4мм отклонение, а на вид - кривая. Ну, молодцы! Давайте акт, я подпишу.»

И всё-таки она кривая!

КАПИТАН

Капитан Лихтенштейн подпадал под одобрителное определение моей мамы: «высокий... красивый... еврей!..» Всегда выбрит, свеж, в хорошо сидящем кителе (редкость в военно-строительных частях, где офицеры носят «второго» (и более) «срока носки» линялое тряпье, он был эффектен и умом, несомненно, выделялся. Опытный и энергичный, он сразу стал мне помогать — советом, ободряющим словом, и — сильно гадить, подставляя меня всюду, где только это ему удавалось. Наверное, не хотел, чтобы подумали, что он поддерживает еврея. Сложность его интриг меня и смешила, и внушала уважение к себе: это ж в мою честь он так суетится! После того, как на планёрке я пару

раз сказал: «По совету капитана Лихтенштейна, я...» и добавлял какую-нибудь глупость, он резко перестал бывать у меня на объектах и вообще перестал меня замечать. Его еврейская жена его ненавидела. И — довольно о нём. Какой-то Лихтенштейн...

ЭКЗАМЕН

Ты, Боря, парень неплохой, но — салага! Наш долг — старших твоих товарищей — сделать из тебя человека. Готовься, будешь сдавать экзамен на посвящение в звание Настоящего Русского Офицера!

— Как же вы сделаете из меня — еврея — русского?

— Ты сдай экзамен, и мы тебя признаем.

— А что нужно сделать?

— Это — разговор! Первое: выпить две меры вина. Второе: проиграть в карты две зарплаты вперёд. Третье: переспать с двумя женщинами сразу.

— И — «чтобы русские женщины остались мною довольны»?

— Ты — готовься! Не так это просто... Пулю

пишешь?

Как раз настолько, чтоб проиграть. Что ж: главный пункт, конечно — второй. Номер первый к нему готовит. А №3, должно быть, способствует облегчению расставания с деньгами. Продуманная, проверенная процедура. Я такое уважаю.

— А вы — посвящались таким образом?

— Обижает, друг! Разве не видно?

Конечно, видно! Не хочется и тут быть изгоем, и я соглашаюсь; ребята довольны. Они ничего плохого не имеют в виду, ну — выпить на дармовщинку, посмеяться, а мне интересно — гожусь я в «русские офицеры» или нет; скорее, нет: вот денег уже жалко.

— Когда?

— А вот в ближайшую субботу. Командира не будет...

Экзамен я завалил. На первом же пункте. «Мерой» вина оказался четырехлитровый

чайник, а вином — местная яблочная «бормотуха». Я так упился, что не мог сидеть за столом; мне было плохо, и я этого не скрывал! Впрочем, плохо было не мне одному: «бормотуха» — не бордо. Ребята были честные, и никто не говорил на завтра, что играли и что я проиграл. Не дошло, правда, и до №3. Все упились «до полной потери сознательности»; разбредшихся из лагеря «военных» никто не пытался собрать, начальство не приезжало; поскучали в воскресенье и к началу рабочей недели были в порядке. Что было-таки хорошо — меня никогда больше не звали пить вино чайниками. А вскоре я из лесу сбежал.

ОЗАДАЧИЛ (ПОЛНАЯ ВЕРСИЯ)

Я — «линейный работник». У меня нет «людей». «Люди» — в отрядах. Военно-строительный отряд соответствует по количеству людей батальону и состоит из рот, роты — из взводов, взводы — из отделений. Каждым подразделением кто-то командует, кто-то обеспечивает пищевое и вещевое доволь-

ствие, расквартирование, транспорт и подобие порядка, а я командую только на объекте и только по строительным вопросам через этих начальников.

Первый командир отряда, с которым я имею дело — майор Ермаков.

— Ты, Май, с гражданки, и подхода к людям у тебя ещё нет. Ты скажи мне, что нужно, а я людей озадачу, и будет всё по-путю. Ну, давай!

— Поглубже бы копать, товарищ майор. Положено — один метр двадцать сантиметров, ну хотя бы метр. И чтоб инструмент не бросали в лесу: я ж не рассчитаюсь...

— Во! Другое дело! Я с людьми поговорю — и будет порядок!

На следующее утро завтракаю в вагончике, а рядом, на полянке, майор, стоя перед строем, ставит задачу:

— Скоты! Пьянь вшивая! Чурки берёзовые! Опять, сволочи, лопаты похоронили, вашу мать! Гляди у меня — кто норму не сделает, жратвы не получит и ночевать останется в

лесу! Метр вам глубоко? А в болото по уши не хотите, как на третьем районе? У-у, мерзавцы! Вам Родина святое дело доверила — траншеи рыть, так что ройте, вашу мать, и норму давайте, если хотите до дембеля дожить!! Напра-а-а-во! По объектам — ша-го-о-ом...

— Так, Май, ты это... Я с людьми поговорил, я их озадачил, всё в порядке, а ты мне дай Масиевича с МАЗом: будем рыбалку готовить — люблю я, понимаешь... Ну пока! Путёвочку Масиевичу подпиши... ага!

Я на рыбалке не бывал. А готовилась она так: человека четыре военных строителя с грузовиком посылались «в поиск». Задача: на удалённом озере выбрать лодку получше, украсть её, погрузить в машину и доставить на выбранное для рыбалки озеро. Поставить там шалаш, нарубить дров для костра, благоустроить спуск к воде, подкормить рыбу, наловить для первого обеда и т.п. Через пару дней наезжал «сам» со свитой и приглашёнными, и дня 2-3 длился праздник, вершиной которого должны были стать слова какого-

нибудь приглашённого полковника: «Да, умеешь ты, Ермаков, гостей принять — молодец!»

А выгнали его из армии за позорящий советского офицера, но обычный проступок: деньги с рядового за то, что даст тому отпуск с поездкой на родину, взял, а отпуск — зажил. Так и уволили — майором. И никто не защитил.

Замом по политчасти был у него майор Иванов, тихий пьяница. Слабость (или хобби) у него была такая: поехав в выходной день в Калинин или Новгород и, подвесив сработанную солдатами и очень похожую на настоящую Золотую Звезду, приставать с придирами и поучениями к останавливаемым на улице солдатам в увольнении и к молодым офицерам. К Герою Советского Союза все относились почтительно, и он имел в этом свой скромный кайф. Увы, и этот святой человек брал взятки с родственников служивших у него солдат — в моё время, армян. Брал бы только деньгами, может, и обошлось

бы. Но многие привозили краденый коньячный спирт, и майор «сгорел» — подвела геройская его печень, предпочтя смерть борьбе с жутким количеством алкоголя.

ОТЕЛЬ «RENAISSANCE»

Мы остановились в таком солидном отеле — конечно, я оделся прилично, но ужинать в нём мне было не по карману, и я пошёл искать место подемократичнее — какой-нибудь fast food. Ясное дело, рядом с «моим» отелем ничего подобного не было, и мне пришлось пройти пять блоков, пока я нашёл Wendy's, готовый закрыться через 15 минут. С заказом в таких местах — всегда проблема: смуглый персонал не понимает «нашего» английского, и заказывать приходится «Dinner #1» или «Breakfast #3», что я и сделал, но сценарий мне поломали:

— Кончился!

— Тогда — #4!

— Тоже поздно!

— Ну — что-нибудь!

— Что?

— Всё равно... не знаю... что-нибудь — я есть

хочу!!

— Хамбургер?

— Отлично — хамбургер!

— Ещё что?

— Кофе, соду — что есть...

Жду... жарят... дают!! Денег не берут! За нищего приняли...

ЛУЧШАЯ СТАЛЬ

Кто-то, побывавший в командировке в Каменце-Подольском, сказал мне, что видел продававшуюся в книжном магазине цветную фотобумагу. Зная по опыту, что легче смотреть туда за 800км, чем дозвониться, я, прихватив пустые чемоданы, ринулся самолётом в Киев и успел там не только на поезд, но и взять билет — в мягкий вагон! Предприятие начиналось успешно: поезд приходил в Каменец в 8 утра, в магазине я мог быть к открытию, а вот следующий поезд был только через двое суток!...

Я, правда, не успел взять ничего съестного, а ресторана в поезде не было, но, уж если на-

чало везти... Попутчик, красномордый дядька в дорогом костюме сразу после отхода поезда стал доставать из портфеля снедь: огурчики-помидорчики, ветчинку-колбаску, бутылку «Столичной».

— Присоединяйтесь, молодой человек, прошу!

— Неудобно, говорю, мне и добавить к вашему столу нечего...

— Пустяки! Сегодня я — вам, завтра вы — мне, так?

— Так, конечно, отвечает ему мой желудок, и я присаживаюсь к столику.

Распили мы пузырь, закусили славно, и стал он рассказывать, какой-де он серьёзный человек из министерства, и как его завтра будут встречать и потчевать, потому что — понимают, как много от него зависит, и уважают — да, уважа-а-а-ют... Терпеть я таких не могу, но я ел из его портфеля и пил, а главное — предприятие моё идёт успешно; ну, пусть поговорит на сытый желудок, не буду ему перечить: покиваю, а завтра, глядишь — с бума-

гой!

Минут 20 он пыжился, распинался, потом зевнул:

— Ну, давайте спать. Только я храплю ужасно, уж вы извините.

— Да, отвечаю, пора ложиться. А будешь, сука, храпеть — вот этим ножом перережу тебе горло от уха до уха!

Свет выключил, лёг и затих...

Никогда я не умел заснуть в поезде, но давно с этим смирился, а вот попутчик... Он и засыпал иногда на пару минут, но тут же начинал трясти головой — сон прогонять — наверное, мой ножик с надписью Best Cast Steel ему снился, и он вздыхал жалобно; а за пару часов до Каменца тихо собрался и вышел с вещами в коридор. Может, он и поспать успел, сидя на откидном стульчике у окошка — я его больше не видел. Зато бумагу купил всю и не переплатил ни копейки. Всегда бы так удачно ездить!

АМЕРИКАНСКИЕ ИНДЕЙЦЫ — ШИФРОВАЛЬЩИКИ

Простую и надёжную систему быстрой передачи зашифрованной тактической информации придумали в США ещё во время Первой Мировой войны, но наибольших успехов этот способ достиг во время Второй Мировой на Тихоокеанском театре военных действий.

Ветеран 1-ой Мировой Филип Джонсон, проведший детство среди индейцев — его отец насаждал среди них Христову веру — обратился к генерал-майору Вогелю, командиру Корпуса кораблей-амфибий на Тихом океане, с предложением использовать американских индейцев в качестве шифровальщиков. Генерал заинтересовался идеей и организовал тест, симулирующий боевую обстановку, который показал, что подготовленный индеец может закодировать, переслать и расшифровать тактическое сообщение на английском длиною в три строки за 20 секунд, в то время, как шифровальная машина тратила на ту же

работу 30 минут. По итогам теста генерал запросил 200 индейцев. Первые 29 представителей племени навахо были собраны в мае 1942 г. в Калифорнии. Для них был разработан код на фонетическом алфавите, где определённые слова представляли буквы. Не обученный коду навахоговорящий человек мог понимать в кодированном тексте только отдельные слоги, но никак не смысл сообщения. Человек, не знающий навахо, не мог понять ничего, даже звуки этого языка не похожи на английские. Поскольку навахо не имели письменности, выучить их язык было практически невозможно. Группа получила название "Code talkers".

В течение месяца код-токеры практиковались в быстром применении кода в стрессовой обстановке боя, затем были доставлены в войска. Разумеется, для коммуникации требовался навахо на каждом конце проводной или радиосвязи. И конечно, каждый шифровальщик тщательно охранялся. По слухам, охрана имела приказ уничтожать их в случае возможного захвата врагом.

Исключительная быстрота, с которой работали индейцы-криптографы, дала американскому флоту и морской пехоте значительное преимущество в боях с японцами. Кроме того, за всю войну японцы не смогли расшифровать ни одного сообщения.

Японцы охотились за индейцами и в 1942г, на Филиппинах им удалось взять в плен сержанта Джо Киейоомиа. Желтопузые жестоко пытали его, но сержант не выдал кода — он его не знал, просто служил в морской пехоте. Не повезло ни ему, ни японцам...

В войне участвовали в качестве шифровальщиков не только индейцы-навахо. Были также криптографы-чероки, чокто, лакота, мескwaки, пима, читимача, команчи и даже совсем не индейцы — баски.

Применялся ли метод на Европейском ТВД? Да, но нешироко. Гитлер знал о нём по опыту прошлой войны и 30 немецких учёных-антропологов были посланы им в Штаты в мирное ещё время для изучения индейских

языков. Языков оказалось слишком много для 30 человек и специалисты были отозваны в Германию, но чему-то они научились, и применение метода было делом рискованным. Во время высадки в Нормандии им всё же пришлось рискнуть и 14 индейцев-команчей с большой пользой служили в 4-ой пехотной дивизии. Никто из них не погиб и только один был ранен.

До 1968 г. история Код-Токеров держалась в секрете. Только в 1982 г. президент Рейган вручил им что-то вроде Похвальных грамот и объявил 14 августа 1982г. "Днём Навахо — Код-токеров. Монументы в их честь были сооружены гораздо позже.

В 2000 г. Конгресс наградил 29 Токеров Золотой Медалью Конгресса, а в 2001 Дж. Буш вручил медали четверым оставшимся в живых ветеранам. Остальные медали получили семьи тех, кто не дожил.

«THE DEVIL WEARS PRADA»

Саша был на научной конференции в Генуе. Отдыхая на пляже, он увидел потрясающую фигуру, красивое лицо и подкатил к прекрасной незнакомке. Оказалось, что Люся приехала на ту же конференцию из Москвы и даже окончила тот же МИФИ, что и Саша, только лет на 6 позже

Потом Саша съездил в Москву, а ещё через полгода Люся с дочкой переехали в Вашингтон. Вскоре сыграли свадьбу, связав её, опять же, с научной конференцией, на которую приехали несколько друзей из России, Германии и Англии. Повеселились от души. Сашин приятель Роджер предложил тост за науку и научные конференции, одна из которых привела к знакомству, а другая — к свадьбе. Жених развил тост, напомнив, что «наука умеет много гитик» и способна не только влиять на жизнь, но и вести, согласно теории академика Лепешинской о новообразовании клеток из бесструктурного «живого

вещества», к её зарождению (Люся была уже хорошо беременна). Когда вспоминали студенческие годы, хохот стоял такой, что кошка Машка забилась в самый дальний угол и вылезла наружу только на следующий день.

Ниночка жила, по американским масштабам, недалеко, но всё же миль 30 нужно было проехать. Пока настоящее опьянение не накатило, лучше было уйти. Она обулась, вышла из-за стола и увидела, что туфли на ней разные: левая была с острым носиком, а правая — с «утиным носом». В остальном туфли были очень похожи: «Трада», красные, на одинаково высокой шпильке и одного размера. Обе были хороши и сидели, как влитые, но...

Ниночка обошла танцующих и полезла под стол изучать ноги сидящих. Манёвры её не остались незамеченными, под стол полезли помощники, кто-то предложил, чтобы нашедший хрустальный башмачок стал бы принцем и женился на Ниночке прямо здесь — у

Шекспира и Лопе де Вега всегда женятся толпой! Туфелька не находилась, но потелся кто-то из лазивших под стол... Шампанское всё больше давало себя знать, и Ниночка решила ехать.

Дома она сразу легла спать — утро вечера мудренее — но через час была разбужена телефонным звонком. Звонил молодожён.

— Не разбудил? Нашла туфлю?

— Разбудил! Не нашла. А вы почему не спите?

— С ума сошла? Кто ж спит в брачную ночь?!

Деньги из конвертов вынимаем! Я вот что подумал. Ты под столом разувалась?

— Конечно! Каблуки-то... Но я всех проверила. Никто...

— А с кем ты сидела?

— Между Джеффом и Маринкой.

— Ну, Джефф воспитанный, он бы не разулся. Значит, Маринка. Слушай, она же в 7 утра домой в Лондон летит. Звони ей в Хилтон. А весёлая свадьба получилась, правда? Драки только не было, так ты звони ей, звони!

Маринка тоже не спала — укладывалась.

Посмотрела туфли.

— Разные, надо же! Всё у меня не как у людей! А видела, как Мишка около меня увивался? Вот что: я твою туфлю у консьержа оставляю, а ты мне мою в Лондон пошли — не надо тебе пьяненькой среди ночи в отель ехать. Так вот, Мишка, засранец, говорит...

Сотрудник Королевской Почты очень извинялся перед Ms. Marina за то, что в посылке оказалась только одна туфля, корил таможенников и уверял, что ущерб будет возмещён, но Марина сказала, что всё ОК и это пустяки: одна туфля, две — kakaya, v zhore, raznitsa?

А разница была — туфля нашла себе пару, а она сама... А ведь не старая, ещё и родить можно. О чём она думала там, в Вашингтоне? Мишка так на её грудь пялился, и он давно с той кикиморой развёлся. Профессор в Гамбурге. Смотрится вполне. У неё немецкий — лучше английского, да и надоели ей англи-

чане, ни одного джентльмена и в помине нет. Чем она Люськи хуже? Так, конференция в Дублине — через шесть месяцев. У Люси с Сашей в две встречи всё сладились, а она Мишеньку и за одну сделает. Наука умеет мно-о-о-го гитик!